

УДК 94 (470+571)«19»

А. С. Забоенкова

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗРУШЕНИЯ ОБЩИНЫ
В ПЕРИОД СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ**

*Исследуется правовое содержание понятия «выход из общины» на основе анализа юридической природы подворного и участкового земле-
владения, формируемого путем укрепления земли в личную собствен-
ность, единичных выделов и полных разверстаний земель сельских об-
ществ на хутора и отруба. Сопоставлены права на землю сельского об-*

© Забоенкова А. С., 2013.

Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 12. С. 44 – 51.

щества и крестьян. Показано, что законодательство реформы не содержало правовой дискриминации общины, которая сохранила свои административно-хозяйственные и земельные функции.

This article considers the legal content of the concept of "leaving the community" though analyzing the legal nature of the farmstead and district land tenure formed through placing land in personal ownership, individual allotments, and complete division of rural lands into farmsteads and isolated land plots. It is shown that the reform legislation did not suggest legal discrimination of the community, which retained its administrative, economic, and land-related functions.

Ключевые слова: община, законодательство, Столыпинская аграрная реформа, право на землю.

45

Key words: community, legislation, Stolypin's agrarian reform, land right.

Изучению аграрной реформы П. А. Столыпина и ее оценкам всегда был присущ некоторый налет конъюнктурности. Одним из путей преодоления этого перекоса и смещения темы в рамки академизма является анализ ее правовых аспектов. Логика правовых институтов отражает логику социальных фактов. В их числе — русская крестьянская община. Вопрос о степени, формах и результатах разрушения общины в ходе реформы остается спорным [1; 4]. Община обычно рассматривается в социально-политическом, организационном, хозяйственно-экономическом, агрикультурном, социально-психологическом аспектах. Правовая сторона чаще всего остается на периферии внимания. В новейших работах акцент смещается в сторону землеустройства. Исследователи реформы оперируют разными показателями распада общины. При этом молчаливо предполагается, что вышедшими из нее можно считать всех, кто укрепил надел в личную собственность по указу 9 ноября 1906 г., получил удостоверительный акт по закону 14 июня 1910 г., выделил наделную землю к одному месту по указанным актам и Положению 29 мая 1911 г. Нередко понятия «укрепление», «выдел», «выход из общины» употребляются как равнозначные. Есть и разница в подсчетах [18, с. 193, 204–205].

Обратимся к другому вопросу. Что означало привычное понятие «выход из общины» с точки зрения права? Прежде чем на него ответить, приведем мнение одного из современников реформы — известного цивилиста, члена Государственного совета В. И. Сергеевича. «Кто укрепляет за собой землю, тот назван выходящим из общины. Это удивительное недоразумение. Тот, кто укрепляется на земле, из общины не выходит» [3, с. 869]. Позиция имеет основания и создает поле для размышлений. Есть и другая сторона проблемы. Какова степень принудительности столыпинского законодательства: было ли оно насильем над общиной как субъектом права или создавало условия для выхода из нее всем желающим, обеспечивало ликвидацию общины как института или сохраняло его? Попытаемся ответить на эти вопросы путем анализа законодательства.

К моменту принятия главного «антиобщинного» указа 9 ноября 1906 г. правовой статус общины, как это ни парадоксально звучит, был весьма неопределенным. Он регулировался обычным правом и лишь отчасти — законодательным. Однако кодификация обычаев в России отсутствовала. Общегражданское законодательство на крестьян в полной мере не распространялось, а крестьянское было «крайне бедным по заключающимся в нем правилам». Пробелы восполнял Сенат [12]. По словам блестящего знатока крестьянского вопроса В.И. Гурко, «в сущности, узаконения о крестьянах... покоились преимущественно на постановленных за истекшие со времени освобождения крестьян сорок лет решениях Сената, нежели на самом законе» [2, с. 192]. Сенатские толкования, нередко противоречивые, для местных учреждений имели руководящее значение и силу закона [6, с. 50—77; 5, с. 197—198]. В 1902 г. была проведена очередная кодификация, и Положения о крестьянах изложены с учетом новаций [17]. Затем они дополнялись актами Столыпинской реформы. В частности, указ 9 ноября был дополнением ст. 12 (прежней 36) и ряда других статей Общего положения в редакции 1902 г.

В официальном законодательстве понятие «община» отсутствовало, и этот термин, обозначающий институт обычного права, не употреблялся. Субъектом права выступало сельское общество, которое нередко совпадало с земельной общиной территориально. Смешением общины и общества грешили и Положения 19 февраля, и решения Сената [6, с. 127]. Оно, как административно-хозяйственный орган в общинных и подворных селениях, было одновременно институтом публичного (как административная единица) и частного (как хозяйственная) права. Земля, которой крестьяне были наделены не индивидуально, а в составе общества, находилась в его постоянном пользовании под названием «мирской» [7, ст. 98]. Закон применял следующие понятия для обозначения порядка пользования: «общинное», «подворное (наследственное)», «участковое», а также «на общинном праве», «на подворном праве» [10, ст. 51].

Институт общинного землепользования определялся через нормы, регулирующие институт сельского общества. Общинным называлось «то обычное пользование, при котором земли по приговору мира *переделяются* или *распределяются* между крестьянами по душам, тяглам или иным способом». Главным его признаком было право общества на переделы и распределение земли по обычаю, в основе которого лежал принцип равенства прав на надел [7, ст. 113—114]. Ни круговая порука (применялась и в подворной деревне, отменена в 1903 г.), ни сами переделы (были и беспеределные общины) уже не были существенным признаком общинного землепользования к началу Столыпинской реформы. При подворном (наследственном) землепользовании право на переделы у общества отсутствовало вовсе. Оно могло распоряжаться лишь участками выбывших, не состоявшими в подворном пользовании, и выморочными. Общество могло приговором схода заменить общинное пользование наследственным, разделив землю на подворные участки, в том числе с их разведением к одним местам [10, ст. 51, с. 148; 6, ст. 115—117].

Положения о крестьянах трактовали право на землю общества и его членов в подворной и в общинной деревне как право бессрочного

пользования (до заключения выкупной сделки) и как право собственности (после него) [10, ст. 16; 14, ст. 156]. Однако до окончания выкупной операции термин «крестьяне-собственники» означал не земельных собственников в частноправовом смысле, а новый сословный статус бывших временнообязанных. Выкуп земли допускался как обществом, так и отдельными домохозяевами (в подворных селениях). В первом случае земля признавалась общественной собственностью, во втором — личной [14, ст. 34, 166]. До 1893 г. по требованию домохозяина, досрочно внесшего выкуп, общество обязывалось выделить соответствующий участок или выплатить деньги. Он оставался членом общества, но мог и выйти из него, продав приобретенный участок [10, ст. 36—37; 14, ст. 157, 164—165, 169, 175]. Однако Закон 14 декабря 1893 г. значительно ограничил право общества распоряжаться землей. Выдел досрочно выкупленного надела разрешил лишь с согласия 2/3 схода, а продажу — только покупателям, приписанным к обществу [9]. Закон фактически лишил крестьян «обещанного им» Положениями права собственности на наделные земли, отняв свободу распоряжения, являющуюся существенным его признаком. Крестьяне были выведены из сферы общегосударственного законодательства, в силу которого никто против воли не мог участвовать в общем владении делимым имуществом [6, с. 16, 45; 16, ст. 550]. Но и без этого юридический статус наделной земли с точки зрения гражданского права выглядел весьма неопределенным. В связи с выкупным долгом (до 1907 г.) она находилась в залоге у государства, субъектом прав на землю было сельское общество, а череслодные и в подворной, и в общинной деревне земли крестьян не имели фиксированных и документально оформленных границ [19, с. 37].

Для правовой оценки распада общины в ходе Столыпинской реформы важен еще один момент. Являлось ли общество как земельная единица юридическим лицом? По словам А. С. Изгоева, об этот вопрос, не имевший четкого ответа ни в законе, ни в сенатских толкованиях, «как о пень, лежащий на дороге, спотыкались самые остроумные теории» [6, с. 78; 4, с. 262—263]. Думается, ответ может быть следующим. Одним из признаков юридического лица является наличие обособленного (от собственности лиц, его составивших) имущества. Как административно-хозяйственная единица общество было субъектом права собственности на мирские денежные капиталы, хлебные запасы, иное имущество, а также на земли нераздельного пользования (мирская усадебная, леса, прогоны и т. п.), владея ими как юридическое — «на себя» [17, ст. 8, с. 3]. Но право на остальную наделную землю по своей юридической природе было *не собственностью общества как юридического лица, а общей собственностью членов общества*. Законы гражданские трактовали право общей собственности как принадлежащее «двум или многим лицам» и называли его также «правом общего владения». Распоряжение имуществом на таком праве осуществлялось лишь по общему согласию. Но в делимом имуществе никто не был обязан «оставаться соучастником» помимо своей воли и имел право на выдел доли [16, ст. 543—550]. Именно поэтому Положения наделили крестьянина правом требовать выделения выкупленного надела, которое общество *обязывалось* произвести. Закон 14 декабря 1893 г. ограничил это право, а указ 9 ноября вернул и упростил порядок его реализации.

Поскольку право на землю общества не было правом юридического лица (кроме не подлежащей разделу), указ 9 ноября нельзя считать его нарушением. В нем нет принудительных по отношению к общине норм. Мнение, что указ «не содержал ни экономической, ни юридической дискриминации общины», представляется справедливым [15, с. 4]. Однако, разрешив (с отменой выкупных платежей) укреплять в личную собственность надельную землю всем желающим, указ обеспечил им ряд преимуществ. Было достаточно согласия простого, а не квалифицированного большинства схода, при отказе же общества составить приговор — постановления земского начальника. Разрешалось укрепить фактический надел с оплатой излишков по выкупной цене, невыгодной обществу. Заменить выдел к одному месту денежной компенсацией (при его неудобстве или невозможности) общество теперь могло лишь вне общего передела, а переход целых обществ к отрубному владению допускался не только при подворном, но и общинном землепользовании [11, с. 380—385].

Закон 14 июня 1910 г. оказался принудительным в отношении беспередельных общин, признав их перешедшими к наследственному (участковому или подворному) владению без их волеизъявления и лишив их права на переделы. Фактически здесь имела место обратная сила закона. Индивидуализации крестьянского землевладения стимулировалась отменой оплаты излишков даже для передельных общин, производивших переделы не на основе закона 1893 г. Облегчались условия выдела. Общество обязывалось произвести его и вне общего передела, по требованию не менее чем пятой части домохозяев или даже одного, если выдел признан возможным. Но общество могло и принудительно выделить землю «укрепленцу» по требованию половины оставшихся в общине, или при его отказе от обмена полос. Переход целых обществ с наследственным землевладением к отрубному теперь производился решением простого большинства схода, а с общинным и смешанным — квалифицированного [11, с. 423—434].

Укрепление в собственность с точки зрения права означало переход домохозяина к подворному (наследственному) землевладению, прекращение участия в переделах, *но не выход из сельского общества как земельной единицы*. Во-первых, после чересполосного укрепления крестьянин не мог завести независимое от общины хозяйство, при переделах общества перетасовывали полосы, а закон 1910 г. разрешил их передвижку и обмен. По мнению П. Н. Зырянова, крестьяне часто понимали укрепление как фиксацию площади земли [5, с. 104—105, 183]. Во-вторых, в натуре укреплялись только участки полевой земли и угодий, переделаемых на общих основаниях. В угодьях, переделаемых на особых основаниях или непеределаемых, домохозяин получал лишь право пользования либо участия в пользовании на принятых в обществе основаниях. Сами угодья оставались собственностью общества [8, с. 222—224]. В-третьих, общество сохраняло право на разработку недр в участках, укрепленных в личную собственность, включая выделенные к одному месту [11, с. 425]. Наконец, домохозяева, перейдя к подворному владению, оставались членами общества и участвовали в решении всех земельных вопросов, не связанных с переделами. Таким образом, счи-

тать крестьян, укрепивших землю, вышедшими из общины, можно лишь в одном случае: продажи ими надела.

Можно ли считать вышедшими из общины крестьян, образовавших участковые хозяйства (хутора и отруба)? Они создавались двумя способами: единичными выделами и полным разверстанием земель селения. С введением Положения о землеустройстве 1911 г. для выдела не требовалось предварительного укрепления. Разверстания, как и раньше, разрешались приговором схода. Прежнее понятие «переход целых обществ к отрубному владению» заменялось новым: «полное по целым сельским обществам и имеющим отдельное владение селения разверстание угодий между членами общества или селения на отрубные участки». Это отразило установку на раздел всех угодий без оставления их в общем пользовании. В этом случае землеустройство считалось окончательным, в иных — разрешалось повторное со сведением всех угодий к одним местам [11, с. 446 — 476].

При разверстании селения на хуторские участки с перенесением усадеб и разделом угодий общего пользования земельная община фактически прекращала функционировать. Выделившегося на хутор можно считать покинувшим общину (она сохранялась для остальных), если он не оставлял за собой права участия в пользовании не подлежащей разделу мирской землей. Иначе обстояло с владельцами отрубов. Во-первых, живя в деревне, они всегда имели право пользования мирской землей. Во-вторых, владелец отруба часто не мог получить в натуре все угодья. Он сохранял членство в обществе и право пользования теми из них, которые, оставаясь общественной собственностью, переделывались на особых основаниях или не переделывались. Сколько земли сохранилось в общем нераздельном с общиной пользовании участковых хозяйств — требует дополнительного изучения; по данным П. Н. Першина, ее было около 7% от их площади, но по губерниям цифры сильно различались. В районах с преобладанием разверстаний (Западный, Северо-Западный, Северный), а также с большой долей хуторов, таких земель оставалось немного. В центральных, заволжских и многих других губерниях, а также там, где преобладали отруба, — наоборот. Это были леса, выгоны, иногда — сенокосы [13, с. 16].

Подведем итог. Только некоторые виды единоличного землеустройства обеспечивали выход из общины. Укрепление в личную собственность юридически таковым не было, если домохозяин не продавал землю. Юридическая природа прав на отрубные участки была двойственной: соединяла личную собственность на земли индивидуального пользования и общую — на часть угодий. Владельцы хуторов в большинстве случаев могут считаться покинувшими сельское общество как земельную единицу, но оставались членами административной.

Мы найдем подтверждение сделанным выводам, обратившись к проекту Положения о надельном землевладении, не успевшему стать законом. Сельское общество на надельных землях он заменял земельным обществом. Его членами считались и те, кто владел землей на праве личной собственности. Собственники участков, выделенных к одному месту, могли выйти из общества при условии отказа от участия в пользовании общественными землями, оброчными статьями и мир-

скими капиталами. И при участковом, и при общинном владении собственностью общества были общественные земли, к которым отнесена мирская усадебная земля, выморочные участки, общественные выгоны, леса и прочие угодья нераздельного пользования. Собственники усадебных и отведенных к одному месту участков (хуторских, отрубных) были вправе пользоваться ими «без всякого вмешательства» общества. Но на участках чересполосных с землей однообщественников запрещались действия, затрудняющие ведение хозяйства остальными. Сельский сход заменялся земельным с административными, хозяйственными и земельными функциями. Но домохозяева, не владевшие отдельными видами угодий, не участвовали в решении соответствующих вопросов [11, с. 390–416].

Жизнь всегда многограннее того, что отражает закон. Однако адекватное определение юридической природы любого социального института дает возможность глубже вникнуть в его судьбу, особенно если речь идет о таком сложном явлении, как крестьянская община. Законодательство — определенный срез взаимоотношений общины и власти, действия которой сочетали умеренное и радикальное начала. Европейская логика развития общинного землевладения проста: через подворное владение к частной собственности на землю. В России такой путь оказался невозможен. А был свой — извилистый и небыстрый. Община как институт обычного права оказалась очень живучей, трансформируясь в новых условиях, гибко к ним приспособливаясь, но не исчезая. Законодательство, обеспечивая индивидуализацию наделного землевладения, не могло не считаться с реалиями, поэтому не ломало общину как институт, но создавало условия ее отмирания в будущем. Законодательное сохранение общины отражало специфику жизни деревни, которая была не в состоянии за несколько лет, отпущенных реформе историей, принять индивидуализацию землевладения и расстаться с укорененными веками уравнительными установками общинного крестьянства. Не исключено, что именно это стало причиной смещения приоритетов правительства от разрушения общины к землеустройству. До распространения на крестьян общегражданских норм и превращения их прав на наделную землю в институт частной собственности было далеко.

Список источников и литературы

1. Вронский О. Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917). М., 2000.
2. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
3. Закон 14 июня 1910 г. об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении. (Первоначальные предположения правительства по означенному предмету, извлеченные из работ Государственной думы и рассмотрение дела в Государственном совете). СПб., 1911.
4. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов / сост. И. М. Тютрюмов. М., 2004. Кн. 2.
5. Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992.
6. Изгоев А. С. Общинное право. СПб., 1906.

7. *Местное положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях: Великороссийских, Новороссийских и Белорусских // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собр. Второе. СПб., 1863. Т. 36, отд. 1. 1861, № 36662.*

8. *Некоторые вопросы, связанные с законом о выходе из общины // Известия Земского отдела. 1916. № 8.*

9. *О некоторых мерах к предупреждению отчуждения крестьянских наделных земель // ПСЗ. Собр. Третье. СПб., 1897. Т. 13 : 1893, № 10151.*

10. *Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // ПСЗ. Собр. Второе, СПб., 1863. Т. 36, отд. 1. 1861, № 36657.*

11. *П. А. Столыпин: Программа реформ: док. и матер. : в 2 т. М., 2003. Т. 1.*

12. *Практика Правительствующего Сената по крестьянским делам / сост. И. М. Тютрюмов. СПб., 1914.*

13. *Першин П. Н. Участковое землепользование в России. М., 1922.*

14. *Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости и о содействии правительства к приобретению сими крестьянами в собственность полевых угодий // ПСЗ. Собр. Второе, СПб., 1863. Т. 36, отд. 1. 1861, № 36659.*

15. *Роголина Н. Л. Задачи и уроки изучения российских аграрных реформ // Российская история. 2011. № 4.*

16. *Свод законов гражданских // Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 10, ч. 1.*

17. *Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 9. Особое приложение. Положения о сельском состоянии. Издание 1902 г.*

18. *Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001.*

19. *Христофоров И. А. От Сперанского до Столыпина: крестьянская реформа и проблема землеустройства // Российская история. 2011. № 4.*

Об авторе

Алла Станиславовна Забоенкова – канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: allastaza@pochta.ru

About the author

Dr Alla Zaboenkova, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: allastaza@pochta.ru